«Композитные образования» как стилистический прием (на материале романа Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич»)

Дарья Михайловна Дедковская, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Россия, Иркутск), darya_dedkovskay@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724020094

АННОТАЦИЯ: Настоящая статья посвящена анализу «композитных образований» в тексте романа Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич». «Композитные образования» представляют собой единицы, формально схожие с составными наименованиями или сложносоставными словами. Однако их структура, семантика и функции иные. Считать их сложносоставными словами нельзя в силу их отличия от последних по внутренней форме слова, а также широкого диапазона языковых единиц, становящихся компонентами таких «композитов». Помимо существительных, их составляющими могут быть и прилагательные, и причастия, и глаголы, и наречия, и др. Для «композитных образований» характерна многокомпонентность, это свойственно тем единицам, лексико-грамматическим наполнением которых становятся существительные и глаголы. Основная функция таких образований — стилистический прием. В тексте романа они помогают создать нелинейное повествование, сделать его той самой чередой картинок из жизни героя, что автор произведения считает основной особенностью композиции романа. Такие конструкции способны передать ситуацию или событие через призму восприятия героем действий, предметов и их признаков, и все это сливается в синтез ощущений и воспоминаний в сознании персонажа и создает у читателя особый перцептивный эффект.

Д. М. Дедковская. «Композитные образования» как стилистический прием (на материале романа Д. И. Рубиной...)

D. M. Dedkovskaya. "Composite formations" as a Stylistic Device (Based on the Material of D. I. Rubina's Novel...)

При анализе подобных образований трудным является определение их лингвистического статуса. Возникает вопрос, применимо ли к ним понятие слова, каковы семантические и грамматические характеристики этой языковой единицы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: композитные образования, Д. И. Рубина, стилистический прием, синтез, синкретизм языковых единиц

для цитирования: Дедковская Д. М. «Композитные образования» как стилистический прием (на материале романа Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич») // Русская речь. 2024. № 2. С. 106–116. DOI: 10.31857/S0131611724020094.

The Language of Fiction

“Composite formations” as a Stylistic Device (Based on the Material of D. I. Rubina’s Novel “Maniac Gurevich”)

Darya M. Dedkovskaya, Irkutsk National Research Technical University (Russia, Irkutsk),
darya_dedkovskay@mail.ru

АБСТРАКТ: This article is devoted to the analysis of “composite formations” in the text of D. I. Rubina’s novel “Maniac Gurevich”. “Composite formations” are units that are formally similar to compound names or compound words. However, their structure, semantics and functions are different. They cannot be considered compound words due to their difference from the latter in the internal form of the word, as well as a wide range of linguistic units that become components of such “composites”. In addition to nouns, their components can be adjectives, participles, verbs, adverbs, etc. “Composite formations” are characterized by multicomponence, this is characteristic

of those units, the lexical and grammatical content of which are nouns and verbs.

The main function of such formations is a stylistic device. In the text of the novel, they help to create a non-linear narrative, to make it the very sequence of pictures from the life of the hero, which the author of the work considers to be the main feature of the composition of the novel. Such constructions are able to convey a situation or event through the prism of the hero's perception of the actions of objects, their signs, all this merges into a synthesis of sensations and memories in the mind of the character and creates a special perceptual effect for the reader.

It is difficult to determine their linguistic status, when analyzing such formations. The problem arises whether the concept of a word is applicable to them, what are the semantic and grammatical characteristics of this linguistic unit.

KEYWORDS: composite formations, D. I. Rubina, stylistic method, synthesis, syncretism of linguistic units

FOR CITATION: Dedkovskaya D. M. "Composite formations" as a Stylistic Device (Based on the Material of D. I. Rubina's Novel "Maniac Gurevich"). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 2. Pp. 106–116. DOI: 10.31857/S0131611724020094.

Д. И. Рубина — писатель, чьи произведения вызывают интерес не только у литературоведов, но и у лингвистов. Стиль прозаика отличается сочностью, разнообразием и неожиданностью использования языковых средств, которые, безусловно, способствуют реализации авторского замысла.

Целью нашего исследования является анализ «композиционных образований», определение их структуры и функций в тексте романа Д. И. Рубиной «Маньяк Гуревич».

Понятие «композиционные образования», к которым мы относим единицы типа *чинили-платили, обнимались-целовались, бородатых-мордатых, ветрами-дождями-снегами*, взято нами в кавычки не случайно, поскольку это явление трудно определить однозначно. Этот термин является весьма условным. Дефисное написание таких конструкций формально сближает их с составными наименованиями (типа *плац-палатка, кафе-столовая*), которые также называют сложносоставными

словами с дефисным написанием, сложными словами с дефисным написанием. Нередко по отношению к этим единицам используют термин «компози́ты» [Ахманова 2004].

Дефисные написания, или дефисные комплексы, получили широкое распространение в современном языке, в особенности в художественных произведениях, текстах СМИ, языке интернета. Н. А. Николина отмечает, что функции подобных образований усложняются и могут быть различны. Она делит дефисные комплексы на два типа: «Первый тип представлен дефисными образованиями, которые оформляют цитаты или передают чужую речь и вряд ли могут рассматриваться как цельнооформленные номинации — сложные слова. Второй тип — дефисные комплексы, которые обозначают понятие, не имеющее закрепленного за ним наименования» [Николина 2011: 469].

Нам кажется, что понятие «композитные образования» может отражать специфику этих единиц: их состав, лексико-грамматическое наполнение и функции в тексте.

Главным героем произведения Д. И. Рубиной является врач-психиатр Семен Гуревич, талантливый доктор, человек с высокой степенью эмпатии, добрый и отзывчивый. Эпизоды из его жизни наполнены различными интонациями: от трагически-щемящих до комедийных, близких к буффонаде. «Жизнеописание в картинках — вот что такое этот роман. Вот что такое эти разные сцены: смешные и грустные, пронзительные и щемящие; и трогательные, и любовные... как сама наша, такая мимолетная жизнь», — так охарактеризовала свое произведение автор [Рубина 2022: задн. обложка].

В романе Д. И. Рубиной «композитные образования» являются особым стилистическим приемом.

Приведем примеры из романа «Маньяк Гуревич»:

*На застекленной, добротной утепленной веранде с четырьмя раскидистыми фикусами по углам, на праздничной желто-синей скатерти уже пыхтел самовар, были расставлены чашки-блюдца, а на тарелках такие версали громоздились, что ребята застыли...*¹

...Катя приноровилась готовить обед на всю семью из половинки курицы: сначала варила детям бульон, потом вытаскивала разваренную мученицу и тушила ее же на сковороде с луком-картошкой.

На иврите, как это ни смешно, он стал говорить гораздо раньше и бойчее всяких кандидатов-докторов, которые зубрили построения глаголов и исключения из правил...

¹ Здесь и далее цитаты по изданию [Рубина 2022].

Перед нами такие сочетания, между компонентами которых несколько иные отношения, чем между компонентами в сложных словах или составных наименованиях. В сочетаниях типа *диван-кровать* и *женщина-космонавт* денотатом выступает один предмет, объект действительности. В представленных сочетаниях слов из произведения Д. И. Рубиной — денотат не один. Это можно увидеть, если трансформировать представленные контексты в предложения с однородными членами: **На застекленной, добротной утепленной веранде с четырьмя раскидистыми фикусами по углам, на праздничной желто-синей скатерти уже пыхтел самовар, были расставлены чашки и блюда, а на тарелках такие версали громоздились, что ребята застыли...*

**...Катя приноровилась готовить обед на всю семью из половинки курицы: сначала варила детям бульон, потом вытаскивала разваренную мученицу и тушила ее же на сковороде с луком и картошкой.*

**На иврите, как это ни смешно, он стал говорить гораздо раньше и бойчее всяких кандидатов и докторов, которые зубрили построения глаголов и исключения из правил...*

Возникает вопрос: почему автор отказывается от привычной синтаксической конструкции с однородными членами и выражает смысл иным, нетрадиционным способом? «Композитные образования» в художественном произведении Д. И. Рубиной обладают несколько иным смысловым наполнением: стремлением к обобщению, отсутствием конкретизации. Анализируя представленные выше контексты, мы можем сказать, что чашки-блюда — любая посуда, лук-картошка — овощи, кандидаты-доктора — высокообразованные люди. Конструкциям с однородными членами свойственна специфическая интонация перечисления, в то время как для «композитных образований» с дефисным написанием она не характерна. Наоборот, такие построения хочется прочитать как интонационное единство.

Лексико-грамматические характеристики компонентов подобных образований различны. Помимо существительных, лексическим наполнением таких «композиций» могут выступать слова разных частей речи.

Прилагательные: *Входишь во двор по дороге в школу и попадаешь в розовую-марганцовую, или зеленоватую от зеленки, или голубоватую от синьки скалочную страну...*

Глаголы: *Много чего еще имелось у него в арсенале: пальцы бегали вразброс, как тараканы, щипали-щелкали, перебирали струны. И как же он старательно все-все прощупал-проверил.*

Причастия: *Вспоминал жестокую вьюгу в канун Нового, 1984-го, года и прокуренную-протопленную, похожую на парную, столовку на Васильевском, где схомячили они с Тимой по две порции «Ленинградских».*

Деепричастия: ...оставишись с женщиной наедине, Гольц отчебучивает то правой, то левой, заплетая-расплетая их на краткий миг кренделями, чокаясь коленками, штопором вращаясь вокруг оси, свободно раскачивая висющими руками.

Однако не во всех случаях возможна трансформация «композитного образования» в ряд однородных членов (как это представлено выше). Это связано с тем, что по смысловым отношениям компоненты не всегда однородны. Особенно это касается «композитов» с адъективным значением.

Тетка была пожилая, рыжая-крашеная, платье в блестках, голые немолдые руки в дешевых браслетках... ; И камни она ценила крупные, броские-самоцветные: яшму, бирюзу, янтарь, сердолик и агат. Общежития ей как местной-прописанной не полагалось.

Как видно из примеров, компоненты неоднородны, что делает их более сложными, глубокими и стилистически нагруженными. Такие «композиты» дают возможность описать ситуацию, явление, человека, предмет так, чтобы отразить самый главный, ядерный смысловой оттенок, показать то, что важно и для героя, и для автора. «Композитным образованиям» с адъективным значением свойственна одновременность проявления признаков. Если воспользоваться языком живописи, это дает возможность не накладывать самостоятельные краски, а смешивать их, создавая более сложную цветовую палитру.

Отличительной особенностью некоторых композитных образований в романе Д. И. Рубиной является их многокомпонентность. Очень часто они состоят более чем из двух частей. Например: *Так в музеях бывает: входишь в вестибюль, слева — кассы, справа гардероб, но ввысь перед тобой вздымается головокружительная золоченная лепная-резная лестница, и ты знаешь, что там наверху — залы, люстры-фрески-ковры-вазы-мушкетеры-ружья-картины, а также самое интересное: мраморные дядьки и тетки...*

И кружили, кружили перед глазами безносые каменные девы и траченные ветрами-снегами-дождями ангелочки, и завывали печальные слова на забытых всеми памятниках, незабвенно-безутешные... скорбящие-осиротелые...

Если представить эти конструкции в виде ряда однородных членов, то обнаруживается существенная разница. В трансформированных высказываниях происходит перечисление предметов, где на каждом из них делается акцент. В «композитных образованиях», напротив, нет перечисления. Здесь автор желает создать единый клубок предметов и явлений в восприятии героя. Происходит намеренный уход от детализации воспринимаемого пространства, ситуации. Отказываясь от передачи этого содержания через ряды однородных членов, Рубина достигает особого перцептивного эффекта. С. Ю. Лаврова отмечает: «В образе восприятия

в качестве единицы взаимодействия представлен весь предмет в совокупности его инвариантных свойств. Следовательно, образ восприятия выступает как результат синтеза ощущений» [Лаврова 2008: 10]. Вот этот «синтез ощущений» передается автором с помощью «композитивных образований». Иными словами, мы воспринимаем вслед за героем не отдельные объекты действительности в определенной последовательности, перед нами круговерть разных предметов, что вызывает чувство единства мироощущения, мимолетности впечатления. Важна не сама ситуация в деталях, а впечатление и ощущение от нее.

Можно сказать, что это стилистический прием импрессионизма в прозе. Как импрессионисты пытались передать одним мазком мимолетность мгновения, так и автор романа с помощью языковых средств, одним из которых являются «композитивные образования», передает быстротечность времени, момента.

Следует отметить, что такая многокомпонентность в большей степени свойственна тем композитивным образованиям, которые состоят из существительных или глаголов.

Возможно, что собирание существительных в такие «цепочки» связано со способностью слов этой части речи лаконично описать ситуацию. *Ходил, в чем все ходили: синие школьные брюки, черная куртка; шапки-носки-шарфы-варежки вязала ему бабушка* [Рубина 2022: 113]. Здесь неважно, что именно вязала бабушка, она вязала любые теплые вещи.

Кроме того, маму привлекал дешевый и качественный трикотаж: свитерки-майки-панталоны-лифчики. Следует заметить, что в этом предложении сохранены формальные признаки предложения с однородными членами с обобщающим словом. Но автор отказывается от этой конструкции для создания эффекта обобщенного восприятия предметов.

В большинстве случаев характерной особенностью таких многокомпонентных «композитивов» является то, что денотатом чаще всего выступают конкретные предметы действительности. Если говорить о субстантивах, то чаще всего компоненты этих образований — существительные с конкретным или вещественным значением. Это говорит о том, на наш взгляд, что для автора важно передать вещный мир, но, как ни парадоксально это звучит, отказавшись от его конкретности, осязаемости, восприятия привычными органами чувств. Все эти объекты действительности нельзя воспринимать самостоятельно, они должны передавать читателям единый комплекс значений, смыслов, ощущений в сознании героев произведений. Размышляя о дефисных комплексах, Н. А. Николина отмечает: «Объединение в одно целое разных слов подчеркивает неразрывную связь обозначаемых ими реалий или явлений в индивидуальном сознании» [Николина 2011: 468–469].

В аспекте категории перцептивности «композитные образования» служат своеобразным средством создания образа субъекта восприятия в художественном тексте. Этот процесс может быть подчинен созданию художественных образов разного характера, не только человеческого, но и предметного, поскольку «образ предмета обязательно хранит след человеческой психологии» [Авдевина 2011: 9]. Многокомпонентные «компози́ты» — это имплицитный способ отображения процесса восприятия. Очень часто исследователи сосредоточивают свое внимание на глаголах, обладающих перцептивным потенциалом. Здесь мы можем сказать, что ключевыми единицами описания ситуации восприятия, а также создания образа субъекта восприятия выступают номинативы.

Специфично и функционирование глагольных композитов. Они позволяют не только передать одновременные действия, но и подчеркнуть его интенсивность. *Хотелось съестъ его немедленно, разодрать ногтями шкуру... взгрызться-всосаться в сердцевину, слопать в один присест...; Обледенелый Гуревич в куртке поверх халата принялся обоими кулаками барабанить-ломиться, приплясывая на крыльце и довольно громко поддывая.*

Особенно это проявляется в многокомпонентных глагольных образованиях подобного типа. *В папиной семье все, кроме папы, были хирургами. Два брата и сестра, тетя Фаня. Она тоже кромсала-шила-пилила-рубилла, как захватский дровосек; В коридорах министерства сидели-стояли-околачивались-качались, перекрикивались и травили анекдоты, подпирали стелчки, спотыкались о падающих и бегающих детишек толпы народу.*

Кроме того, глагольные образования в романе передают ряд действий как единый процесс, направленный на один результат. Например: *Еще часа через полтора бригада скорой помощи стала собираться-складываться в намерении покинуть поместье совхозного барина; Пока разбирались, чинили-платили, меняли лампочки, ругались с химчисткой, пробежал месяцок-полтора; Ну и далее пациента мыли-брили-передевали в больничное и отводили в соответствующее отделение...*

Надо отметить, что для глагольных «композитных образований» часто характерна разговорность компонентов, ср., например, *кромсала, околачивались*.

При анализе «компози́тов» возникают вопросы и об их лингвистическом статусе как таковом. Применимо ли к ним понятие слова? Ведь перед нами не отдельное слово с одним конкретным значением, а комплексная единица. Кроме того, и денотивные характеристики различны. Как указывает М. В. Костромина, в биноминах, к которым она относит в том числе и сложносоставные наименования, есть контаминация денотивных значений обоих компонентов этой языковой единицы. В итоге

референтом выступает один предмет. В «композициях» этого слияния денотативного значения нет, сохраняется референт каждой части, в результате перед нами единица, имеющая семантику обобщения. Именно это не дает отнести «композиционные образования» к сочетаниям с приложениями, несмотря на то что в обоих случаях компоненты сохраняют самостоятельность. Как указывалось выше, от составных наименований «композиционные образования» отличаются еще и лексико-грамматическим наполнением, которое не ограничивается номинативной основой.

Предположим, что перед нами языковая единица синкретичного характера, совмещающая в себе признаки и слова, и синтаксического единства. Возможно, что, учитывая относительную целостность понятия, выражаемого ими, и цельность интонации, мы наблюдаем своеобразную синтагму: «интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения» [Светозарова 2003: 469].

Таким образом, вопрос о том, применимо ли к подобным единицам понятие *слово*, требует более тщательного изучения.

В романе Д. И. Рубиной основной функцией «композиционных образований» является создание обобщенного образа. В художественном пространстве текста необходимо подчеркнуть несамостоятельность какого-то предмета, вещи, потому что перед нами воспоминание, а точнее жизнеописание в картинках — это авторское определение романа очень важно при анализе подобных единиц.

С точки зрения хронологии повествование нелинейно. Описывая ситуацию здесь и сейчас, автор обращается то к прошлому, то к будущему героя. «Композиционные образования» становятся при этом одним из важнейших стилистических приемов создания этой череды сцен из жизни героя, переходов во времени. Каждая новая картинка — это не просто цепочка событий, реплик. Для Гуревича это прожитая и пережитая реальность, которая отложилась в памяти, в сердце не в виде отдельных предметов действительности или действий, а в виде образов, которые и в воспоминаниях не статичны, а сложны, переплетаются между собой, создавая сложную картину жизни. «Композиционные образования» помогают во многом передать этот синкретизм мыслей, чувств.

Отсутствие детализации дает возможность представить не столько саму ситуацию, сколько впечатление от нее у героя произведения. С помощью таких конструкций создается своеобразная картина судьбы героя, «композиции» позволяют сделать роман не просто жизнеописанием, а жизнеописанием в картинках, передать мимолетность бытия и передать не мир предметов и вещей, а мир красок, чувств, восприятий и ощущений.

Источники

Рубина Д. И. Маньяк Гуревич. М.: Эксмо, 2022. 512 с.

Литература

- Авдевинна О. Ю. Понятие субъект восприятия в антропологии языка и текста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 7–16.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
- Дрога М. А. Составные наименования русского языка // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: сб. науч. ст. междунар. науч. конф., Белгород, 12–14 мая 2014 г. М., 2014. С. 159–164.
- Костромина М. В. Биномины в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Орфография: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 23 с.
- Лаврова С. Ю. Перцептивный образ как аксиологический знак художественного мира (на материале «Очерков» К. Д. Бальмонта) // Солнечная пряжа. № 2. Иваново, 2008. С. 10–16.
- Николина Н. А. Функционирование дефисных комплексов в современной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 467–469.
- Светозарова Н. Д. Синтагма // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. С. 469–470.
-

References

- Avdevnina O. Yu. [The concept of the subject of perception in the anthropology of language and text] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2011, no. 2, pp. 7–16. (In Russ.)
- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic Terms]. Moscow: URSS: Editorial URSS Publ., 2004. 571 p.
- Droga M. A. [Compound names of the Russian language]. *Sovremennye problemy yazykoznaniya, literaturovedeniya, mezhkul'turnoi kommunikatsii i lingvodidaktiki: sb. nauch. st. mezhdunar. nauch. konf.* [Modern problems of linguistics, literary studies, intercultural communication and linguodidactics: collection of scientific articles of the international scientific conference]. Belgorod, May 12–14, 2014. Moscow, 2014, pp. 159–164. (In Russ.)
- Kostromina M. V. *Binominy v sovremennom russkom yazyke. Semantika. Grammatika. Orfografiya*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Binomials in modern Russian. Semantics. Grammar. Spelling: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1992. 23 p.

- Lavrova S. Yu. [The perceptual image as an Axiological sign of the artistic World (based on the material of K. D. Balmont's "Essays")]. *Solnechnaya pryazha*, no. 2. Ivanovo, 2008, pp. 10–16. (In Russ.)
- Nikolina N. A. [The functioning of hyphenated complexes in modern speech]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2011, no. 6 (2), pp. 467–469. (In Russ.)
- Svetozarova N. D. [Syntagma]. *Russkii yazyk: Ehntsiklopediya*. Pod red. Yu. N. Karaulova. [Russian language: Encyclopedia. Ed. by Yu. N. Karaulov]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Ehntsiklopediya Publ., 2003, pp. 469–470. (In Russ.)